
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПОНЯТИЯ ЭПОХЕ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

А.В. Кучеренко

Курский филиал Орловского юридического института
ул. Гагарина, 24, Курск, Россия, 305018

В статье рассматривается содержание и значение *эпохе* в структуре метода трансцендентальной феноменологической редукции Э. Гуссерля. Устанавливается противоречивость процесса исследования чистых форм сознания и универсальности единой основы всего разнообразия представлений. Оценивается взаимосвязь рациональных и иррациональных моментов в мировоззренческой концепции. Сопоставляются кантовские идеи чистого созерцания с их интерпретацией представителями феноменологии.

В феноменологии рассматривается проблема соотношения личного и надындивидуального чистого сознания. Определение надындивидуального сознания по своему содержанию (при отражении существующей действительности) — лишь первый шаг к определению надындивидуальных чистых форм сознания. Трудно себе вообразить все разнообразие таких чистых форм, служащих основанием для бесконечного множества типичных представлений, присутствующих в индивидуальных сознаниях. Однако разнообразие чистых форм также может быть классифицировано по общим признакам: для определенных типичных групп чистых форм должны существовать свои еще более общие чистые формы и т.д. В результате мы получаем пирамиду, перевернутую вершиной вниз, служащей основанием не только для всех чистых форм, но и всего разнообразия частных представлений, лежащих на поверхности сознания, постоянно определяющего существование чего-либо согласно внутреннему (конститутивному) принципу утверждения соответствия возникающих представлений действительности. Интересно то, что в любом частном представлении, как в матрешке, могут и должны присутствовать самые глубинные, промежуточные и частные чистые формы сознания. Они могут и должны быть открыты (пусть и не в полном объеме) в любом конкретном представлении, и поэтому каждое из них может служить свидетельством их существования.

И. Кант в свое время рассматривавший надындивидуальные формы чистого сознания, придавал им статус универсальности, а именно сквозного присутствия как в чистых созерцаниях в области математики, так и в эмпирических представлениях: «... хотя материя (ощущение — *A.K.*) всех явлений дана нам только *a posteriori*, — пишет Кант, — форма их целиком должна для них находиться готовой в нашей душе *a priori* и потому может рассматриваться отдельно от всякого ощущения» [1. С. 127]. Открытия Канта, занимавшегося проблемой чистого сознания и определившего универсальные формы чистой чувственности, регулятивные идеи чистого разума, на наш взгляд, оказались недоступными для Гуссерля, что доказывается его попыткой свести чистые формы созерцания Канта к эмпирическим или психологическим моментам сознания.

Одним из приемов раскрытия промежуточных и глубинных форм чистого сознания служит эпохе (греч. *epoche* — остановка) — сомнение в соответствии имеющегося представления действительности. Оно предполагает «заклучение в скобки» содержания представления о действительности при последующем перемещении внимания на определение условий возможности появления данного представления (его «конституции»), предварительно находившихся в сознании. Эпохе («радикальное», «универсальное») есть действие, уклоняющееся от определения истинности или ложности имеющегося представления о существующем в мире. Это необходимый момент остановки для осуществления шага назад — к определению условия формирования представления, скрытого в чистом сознании, а уже затем следует «заклучение в скобки» содержания представления с тем, чтобы найти его форму. Под «представлением» понимается чувственное представление или операция с понятиями. В этом случае нахождение условий формирования отдельного представления будет лишь первой ступенькой в бесконечной лестнице, ведущей к определению самых общих предданных универсальных чистых форм сознания. Но поскольку совокупность условий всех конкретных представлений не может быть нам дана сразу одновременно, то придется очень медленно, постепенно отходить шаг за шагом назад, путем сопоставления и соединения между собой ряда чистых условий по общему признаку. Пестрота этих представлений поражает воображение, — ведь она предполагает любое движение души (чувства или мысли) без какого-либо исключения.

Эпохе способствует совершению перехода от любого содержания представления к его возможности. М. Хайдеггер определяет сущность этого перехода: «Трансцендировать означает... переступить, пересекать, проходить сквозь, иногда также превышать» [2. S. 423]. Гуссерль при осуществлении эпохе призывал философов относиться к их собственным взглядам предварительно как к недоразумению, «предрассудку»: «...(каждому, кто всерьез хочет стать философом) неизбежно приходится начинать со *своего рода радикального скептического эпохе*, ставящего под вопрос универсум всех его прежних убеждений, заранее запрещающего всякое их использование в суждении, всякое высказывание об их действительности или недейственности. Каждый философ в своей жизни должен хотя бы раз прибегнуть к такому образу действий, а если он этого еще не сделал, то должен к нему обратиться, даже если у него есть уже «своя философия». До осуществления эпохе ее, следовательно, нужно тоже трактовать как предрассудок» [3. С. 108, 109].

Эпохе отвергает утвердительный взгляд человека в отношении всего, что он считал до сих пор истинным и ценным. Естественно, что сознание для такого самокритичного шага должно созреть, устав от собственной наивности, объявляющей все имеющееся в представлениях действительно существующим и истинным. Зрелое сознание предполагает сомнение, поскольку нуждается в избавлении от накопившихся иллюзий. В ходе исторического развития философской мысли это состояние остановки сознания в саморефлексии (при желании найти основания чистого сознания) наиболее принципиально выразилось в скептицизме Декарта. Гуссерль идет еще дальше. Для трансцендентальной эпохе Гуссерля нет оста-

новки на «самоочевидности» Декарта. Всякая остановка есть лишь повод для последующих эпохе и поиска оснований образования содержания очередного представления (даже о содержании чистой формы).

В совершаемом по отношению к науке эпохе Гуссерль видит проблему разрозненности научных интересов и сфер занятости. В то же время научная деятельность в ее непосредственной данности представляет собой довольно узкий круг людей, занятых производством объективных знаний; чтобы попасть в этот круг, необходимо приобрести уровень специальной профессиональной подготовки, которую профессиональный философ, как правило, не имеет. «Но, — полагает Гуссерль, — в этом эпохе для нас, его осуществляющих, науки и ученые не исчезают. Они остаются тем, чем во всяком случае были раньше, а именно фактами в единой взаимосвязи жизненного мира; разница лишь в том, что в силу эпохе мы не функционируем теперь как соучаствующие в их интересах, в их работе» [3. С. 185]. Мы, философы, оказываемся сторонними наблюдателями за действиями ученого и способны судить о процессе поиска ими объективной истины с помощью чистых форм сознания со стороны, лишь по отдельным косвенным признакам. Философы, совершающие эпохе в своей профессиональной деятельности, сосредотачиваются на собственных интересах, где наука занимает лишь малую часть освоения действительности.

Значение использования эпохе для отдельной личности и для человечества оценивается Гуссерлем как открытие нового потустороннего мира, более могущественного, чем этот, поскольку именно данный потусторонний мир создает все, что мы имеем определенного и ценного в нашем сознании. Эпохе и трансцендентальная редукция открывают его для нас, что равнозначно, по мнению Гуссерля, новой религии, поклонению новой святости: «Быть может, выяснится даже, что тотальная феноменологическая установка и соответствующее ей эпохе прежде всего по своему существу призваны произвести в личности полную перемену, которую можно было бы сравнить с религиозным обращением, но в которой помимо этого скрыто значение величайшей экзистенциальной перемены, которая в качестве задачи предстоит человечеству как таковому» [3. С. 187].

Наука, со своим объективным априори, порождена преданным универсальным априори жизненного мира. Трансцендентальный проход эпохе через объективное априори научного знания в предданное универсальное априори жизненного мира позволит понять и универсальное основание любого частного объективного научного знания. Философ, совершающий эпохе и концентрирующий внимание на субъективном подтексте знания об объективной действительности, на самом деле ничего не теряет из самого этого знания, ибо он не сомневается в положительном ответе на вопрос, не является ли оглядывание сознания на свои априорные структуры, с помощью которых им создаются конкретные представления, не насильственным, не произвольным, а неизбежным действием, заложенным в предданности жизненного мира, изначальной организации самого сознания, где есть непосредственное совершение действия сознания и осознание способа совершения этого действия? Признание данного факта рефлексии придает трансценден-

тальной феноменологии статус объективной значимости самого ее появления как теоретической дисциплины. В общечеловеческой истории можно в изобилии найти примеры, подтверждающие постоянно присутствующую рефлексию, проходящую сквозь обыденное сознание, религию, науку, философию, искусство, мораль, борьбу идеологий и т.д. по поводу чистой структуры действующего сознания.

Аналогичные действия, описываемые Гуссерлем, совершались и в далеком прошлом человечества, органично присутствовали на протяжении всей истории его существования. Гуссерль лишь акцентирует наше внимание на методе оглядывания сознания на процесс собственного действия, вводит понятия для обозначения его отдельных ключевых моментов (предданность, эпохе, трансцендентальная редукция, жизненный мир, горизонт, интенциональность, заключение в скобки...). Этот терминологический фейерверк не должен смущать нас, отважившихся исследовать случаи трансцендентальной редукции в самых различных областях человеческой деятельности, разбросанных по всем векам, что дало бы возможность увидеть историю постоянного оглядывания сознания на собственные чистые основания, историю зарождения и формирования трансцендентальной феноменологической редукции.

Н. Гартман, в свою очередь, осуществляет эпохе по отношению к стремлению Гуссерля определить содержание чистого сознания. Феноменологи, по мнению Гартмана, «...наивное сознание реконструируют, а реконструированное выдают за описание непосредственно данного. Но описание выходит необходимо ложным. Классический пример тому — гуссерлевский анализ чистого восприятия. На самом деле в жизни мы чистого восприятия не знаем совсем, мы знаем лишь восприятие, перемешанное с другими моментами познания, переработанное в рамках целого более крупных контекстов и внутри него; как оно может выглядеть, взятое для себя, из этого извлечь невозможно. Вместо видимого описывается предполагаемое. Пусть бы это происходило в себе. Но то, что описанное теперь выдается за непосредственно данное, есть ужасный самообман» [4. С. 477]. Гартман прав, что феноменология не свободна от внутренних противоречий, и он их определяет.

Однако переход к чистой форме сознания возможен при достаточно солидной аргументации, и это наглядно доказал Кант. Разумеется, аргумент и истина не всегда совпадают, в особенности если учесть, что у сознания есть определенная свобода («горизонт») в установлении степени удаленности представления от объективной действительности. Однако в феноменологии акцент ставится не на свободе, а на устойчивости, неизменности смысла. «Феноменология,— отмечает Поль Рикёр,— есть больше философия «смысла», чем философия «свободы» [5. Р. 41].

Заслуга Гуссерля состоит в осуществлении логико-теоретического подхода при углублении в априорность сознания. Он состоит в неторопливой индукции, отталкивающейся от множества частных случаев проявления самой разнообразной реальной деятельности сознания, ведущей к выявлению устойчивых закономерностей бытия чистого сознания. Поэтому Гуссерль, в известном смысле, имеет право называть свою трансцендентальную феноменологию наукой, схватывающей объективное значение интерсубъективного сознания.

Гуссерль ставит перед феноменологом трудную, если не сказать, невыполнимую задачу — быть свободным от какой-либо личной заинтересованности, оценки, пристрастного или критического отношения к исследованию природы имеющегося представления, условий его образования. Им выдвигается запрет подходить к рассмотрению чистого основания представления с какой-либо предварительной установкой, предопределяющей последующие выводы. Никакого заранее ограничивающего поиск субъективного внутреннего условия или преследования определенной цели не должно существовать. В этом, в частности, и заключается «универсальное», «радикальное» эпохе: «...эпохе, — пишет Гуссерль, — должно быть проведено действительно универсально и тем самым радикально. Оно не должно мыслиться, к примеру, как критическое эпохе, служащее самокритике или критике чужого, теоретической или практической критике. Его нельзя мыслить и в рамках всеобщего философского намерения, как универсальную критику опыта, критику способности познания истинно-себе в отношении объективно сущего мира; а также, разумеется, и как скептически-агностицистское эпохе. Во всем этом содержится та или иная позиция» [3. С. 317]. Насколько возможно соблюдение данного условия? Оно, похоже, противоречит неизбежной постоянной мотивации. Беспристрастного действия разума вообще быть не может, — его всегда увлекает за собой и направляет некоторая заинтересованность. Гуссерль выдвигает фантастическое требование. Это, скорее всего, бесплодная мечта. Ранее, при критическом взгляде на возможности трансцендентальной феноменологии, уже указывалось на «естественную установку» отождествления субъективного представления с объективной действительностью; она не исчезает даже при предельной трансцендентальной редукции, желании найти самые последние чистые формы преданности опыта. Здесь продолжает присутствовать все та же наивная «естественная установка» на определение бытийности исходя из принципа тождества (имеющееся представление есть объективное отражение реально существующего) и заинтересованности.

Высшей ценностью для трансцендентального феноменолога все же является онтологическая истина при определении сущности чистого сознания. В реально протекающем процессе познания мы не можем отделить рациональное от эмоционального и, можно даже сказать, эмоциональное не только находится рядом с рациональным, но и органично переплетено с ним, проходит сквозь все рациональные действия рассудка. Иррациональное способно определять при этом направление и характер деятельности рассудка. К примеру, Гегель создает свою рационально построенную систему, изначально опираясь на веру в сверхъестественное (то есть на иррациональное).

Индивидуальное эпохе, учитывающее «Я-полюс» (где Я выступает как центр индивидуального мировосприятия со всеми особенностями отдельной личности), при отступлении с помощью редукции в чистые формы достигает универсального значения, характерного для всех. Помимо этого, неизбежно нечто субъективное и индивидуальное будет всегда выдаваться за универсальное. Индивидуальный опыт действий индивидуального сознания стремится уйти в свои общие истоки.

В противном случае мы имели бы дело лишь исключительно с бесконечно разнообразной и произвольной субъективной точкой зрения, далекой от искомой объективности. Эпохе, при отвлечении от индивидуального Я, предполагает приобщение к универсальному основанию всех возможных опытов других людей. Первоначальное эпохе, связанное с индивидуальными представлениями и специфическими условиями их формирования, требует продолжения во втором эпохе. Там всякое индивидуальное Я оказывается лишь частным случаем проявления универсального Я. Гуссерль высказывается об этом следующим образом: «...в дополнение к первой попытке эпохе потребуется еще вторая, а именно потребуются осознанно преобразовать его посредством редукции к абсолютному его как, в конечном счете, единственному функциональному центру всякой конституции» [3. С. 250].

Эпохе, по сути, отрицает утверждение истинности или ложности, ради чего и используется в трансцендентальной редукции. Радикальное и универсальное эпохе в принципе не должно признавать никакого утвердительного или отрицательного суждения. В трансцендентальной феноменологии Гуссерля эпохе используется не совсем по своему прямому назначению, а как средство ради определения действительно существующего (содержания чистых условий, породивших всю совокупность представлений, имеющих в общечеловеческом опыте). Цель противоречит средству, взятому в его чистом виде. Поэтому к эпохе Гуссерля более всего подходят не его определения «абсолютного», «радикального», а «относительного» и «частичного». На эпохе Гуссерль возлагает тяжкое бремя — найти то, что по самой сущности эпохе быть не должно, то есть окончательное суждение. Абсолютное эпохе предполагает вечное, никогда не завершающееся движение в глубины чистого сознания.

Гуссерль не ограничивает феноменологию изучением сущности понятия и операций с ними, поскольку понятие, на его взгляд, есть лишь частный случай проявления сущности чистых форм сознания. Но когда мы ставим понятие в центр внимания, то совершаем своеобразное эпохе с последующим отвлечением от значений, окружающих понятие. Такое сужение деятельности сознания мы наблюдаем у Э. Кассирера. Он пишет, что понятие «... выступает центральным пунктом, вокруг которого движутся логика, теория познания, философия языка и психология мышления» [6. С. 163].

Общая стратегическая цель феноменологии раздваивается внутри себя на следующие значения:

— во-первых, есть стремление к определению универсальных преданных чистых условий возможности всякого опыта;

— во-вторых, осуществляется попытка нахождения источника всех наших заблуждений, всякий раз мешающего иметь истинное знание (в том числе и об условиях чистого сознания).

Укажем на некоторые «скользкие» моменты при использовании эпохе:

— его ограниченность в применении, завершающаяся всякий раз частным утверждением (что противоречит эпохе);

— субъективность оценки не исчезает при определении чистых условий формирования представлений;

— отсутствие заинтересованности при использовании остановки есть желательное, но невыполнимое требование.

Стремление Гуссерля найти устойчивую первооснову чистого сознания в трансцендентальной редукции не всегда воспринимается как бесспорное положение. Г. Бранд утверждает следующее: «Рефлексия есть... наипервичное открытие «теперь» и «только что», рефлексия при этом есть наипервичное открытие времени или временности» [7. S. 68]. При рассуждениях о феноменологической редукции и структурности чистого сознания мы неизбежно возвращаемся к основополагающим понятиям пространства и времени Канта, а также к его вкладу в их разработку. Гуссерль высоко ценил размышления Г. Фреге, стремившегося опровергнуть положения Канта по поводу наличия данных созерцаний в математике и который изображал их либо специфически индивидуальными представлениями, либо отсутствующими при операциях с большими числовыми значениями. С помощью понятий, согласно Фреге, положения математики воспринимаются, а «чистое созерцаемое непередаваемо» [8. С. 54]. Для пояснения своей точки зрения по поводу кантовских форм чувственного созерцания и их связи с понятиями я приведу следующее высказывание Фреге о многоплановости слова: «одно и то же слово служит для обозначения понятия и попадающего под него отдельного предмета» [9. S. 62]. Разберем это предложение. Оно состоит из пятнадцати последовательно расположенных слов. Включает в себя четырнадцать понятий (союз «и» повторяется). Каждое из этих понятий обладает самостоятельным значением. До того как эти понятия были использованы Фреге, они находились в его словарном запасе (в виде знаков и стоящих за ними понятий) в состоянии *одновременности* сосуществования, то есть в пространственной созерцании. Когда же Фреге выделил их из своего словарного запаса и расположил *последовательно* друг за другом ради изложения своей мысли, то у него сработало уже созерцание во времени. При формировании речи данные действия происходят у нас почти мгновенно, незаметно, и здесь потребовалась гениальность Канта, сумевшего разглядеть формы, обычно ускользающие от поверхностного взгляда. Одновременно (в пространственной созерцании) с этими действиями Фреге выделил три наиболее важных значения (слово, понятие, предмет), подчинив им остальные понятия и слова. Фреге, постоянно пользуясь в действиях своего сознания пространственными и временными созерцаниями, не замечает их, поскольку для их аргументации в чистом сознании не требуется дополнительное усилие воображения и специально представляемая с его помощью наглядность. Продукты воображения являются лишь более доступными и понятными, но все же частными случаями проявления сущности пространственно-временных созерцаний. Таким образом, Фреге механически перенес детский кантовский пример с точками и штрихами по поводу содержания малых чисел на созерцания при больших числах и остался в недоумении по поводу кантовской «ошибки», отрицая присутствие в них пространственно-временных созерцаний.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского.— Мн.: Литература, 1998.
- [2] *Heidegger M.* Die Grundprobleme der Phänomenologie // Gesamtausgabe. Bd. 24. Frankfurt am M., 1975
- [3] *Эдмунд Гуссерль.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. — СПб.: Владимир Даль, 2004.
- [4] *Гартман Н.* К основоположению онтологии. — СПб.: Наука, 2003.
- [5] *Husserl Ricoeur P.* An analysis of his phenomenology. — Evanston, 1967.
- [6] *Cassirer E.* Zur Theorie des Begriffs // Cassirer E. Erkenntnis, Begriff, Kultur. Hamburg, 1993.
- [7] *Brand G.* Welt, Ich und Zeit. — Haag, 1955.
- [8] *Фреге Г.* Основоположения арифметики: Логико-математическое исследование о понятии числа. — Томск: Водолей, 2000.
- [9] *Ober die wissenschaftliche Berechtigung einer Begriffsschrift // Frege F.L.G.* Zur Aktualität seines werkes. — Jena, 1976.

STOP IN MOVEMENT TO PURE CONSCIOUSNESS

A.V. Kutcherenko

Kursk's branch of Orel juridical institute
Gagarina str., 24, Kursk, Russia, 305018

The maintenance and value of *epoche* in structure of E. Husserl's method of transcendent phenomenological reduction is considered in this article. Discrepancy of the research process of pure forms of consciousness and the universality of a unique basis of all representations variety is established here. The interrelation of the rational and irrational moments in the world outlook concept is estimated. Kant's ideas of pure contemplation are compared to their interpretation by representatives of phenomenology.